

Мара Вересень

ТЕНЬ ТРАВЫ

12+

Мара Вересень Тень Травы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67470759

SelfPub; 2022

Аннотация

Хайджелл. Вот уставился, так и буравит глазами, болван сочувствующий. Я, что ли, стрелял?..Алеан. Звуки, которыми полнилась инопланетная ночь, словно сгустились и растянулись во времени. Шорох? Шелест? Шёпот...Шиан-Сами. Не смотри в глаза Уходящему, не то его Тень выпьет твой разум, и ты не будешь уже только собой. Но ведь это очень страшно – никогда не родиться снова, а пока жива Тень...

Содержание

1	4
2	9
3	16

Мара Вересень

Тень Травы

1

Упругая гибкая ветка больно хлестнула по лицу. Алеан ругнулся, пнул дерево ногой и потерял несколько с таким трудом найденных в сумерках сухих веток. Нагибаться за ними не было никакого желания. Кроме того, Алеан чувствовал, что дико зол. И вовсе не на сумерки и не на ударившую его ветку – это было бы просто глупо – он был зол на своего брата, а в большей степени на себя самого. Алеан никак не мог поверить в то, что Берг, которого он считал образцом для подражания, оказался таким же мелочным, эгоистичным мерзавцем, как и все те, с кем ему приходилось общаться. Вся беда была в том, что до отлёта Алеан даже представить себе не мог, что всё так обернётся.

Мрачный, он вышел на поляну, где весело потрескивал уже изрядно уменьшившийся костёр, вокруг которого расположилась компания из четырёх человек. Все мужчины: Александр Доу, Хайджелл Фитт, прозванный Рыжим за огненную шевелюру, Виктор Бережной и Берг. Алеан был пятым. Шестую фигурку, скрученную верёвками, человеческой можно было назвать весьма условно. Правда, Берг и его

приятели вообще не считали, что этому существу присуще что-либо человеческое, даже разум, хотя это было далеко не так. Алеан шумно бросил хворост на землю и демонстративно уселся подальше от Берга. Это не прошло незамеченным, и Берг снова сделал попытку втолковать младшему брату всю абсурдность его лояльного отношения к тахеанским аборигенам и, в частности, к их представителю, который сидел в стороне от костра, нещадно скрученный верёвками. Вернее, сидела, так как даже сумерки не могли скрыть того, что это женщина.

Алеан фыркнул в ответ на тираду уже изрядно захмелевшего от прихваченного с собой джина Берга, отрезал кусок мяса от жарившейся над костром туши и принялся есть, искоса поглядывая на пленницу. Юноше подумалось, что тахеанка могла проголодаться, но так как он понятия не имел, что едят эти... люди, то ограничился тем, что протянул ей флягу с водой.

Этот поступок вызвал взрыв хохота со стороны остальных. Алеан чертыхнулся. Он совсем упустил из виду то, что у пленницы связаны руки. Но пока он раздумывал, напоить ли её самому или на время освободить ей руку, чтобы она напилась, что-то похожее на змею обвилось вокруг фляги и рвануло её из рук Алеана. Парень на мгновение опешил, а Берг и компания перестали ржать – пленница пила, делая большие глотки, держа флягу... хвостом.

Вдруг раздался выстрел, фляга отлетела в сторону, а из

уголка губ тахеанки скатился светло-красный ручеёк крови, проложил дорожку по острому подбородку и упал на грудь. Рядом, как чёрт из котомки, появился Алекс и наотмашь ударил пленницу по лицу. Тахеанка упала.

– Вот дрянь! – как выплюнул Алекс и вернулся к своему месту костра.

Тахеанка лежала в траве, не шевелясь и не моргая. Её тонкое тело было так неподвижно, что сливалось с тенями сумерек. Только странно блеснули глаза, когда Алекс обругал её. И этот чужой взгляд, направленный почему-то не на обидчика, а на Алеана, казалось, пронзил насквозь. Юноше стало не по себе, словно это он ударил тахеанку, и сердце сжалось от жгучего стыда и бессилия.

– Зря это, – произнёс он, но никто не услышал, так как вся честная компания состязалась в умении ругать этих грязных, безмозглых выродков, этих тахеанских обезьян.

Долгий день давал о себе знать, и постепенно разговоры утихли. Оставив Виктора в роли стража, все улеглись и заснули довольно быстро. Бережной некоторое время держался молодцом, но выпитый за день джин и тепло костра действовали слишком расслабляюще, чтобы продолжать бодрствовать.

Алеан спал спокойно до тех пор, пока ему не привиделся во сне тот странный, обжигающеострый взгляд тахеанки, её раскосые глаза с отражёнными в них тенями чуть покачивающейся травы. Юноша сел так резко, что хрустнуло где-то

в пояснице, и посмотрел на пленницу: та всё так же лежала, не спала, её глаза были широко открыты – она смотрела на него. На какое-то мгновение Алеану больше жизни захотелось, чтобы тахеанка отвела глаза...

Огромные, как луны...

Серые, как осеннее небо...

Как туман...

Как тени сумерек...

Алеан провёл ладонью по лицу, словно стирая наваждение, но вместо желаемого облегчения...

«Может, я сплю?»

Звуки, которыми наполнилась инопланетная ночь, словно сгустились и растянулись во времени. Шорох? Шелест? *Шёпот...* Тихое шушуканье в чернильных провалах теней, что казались живыми то ли от мечущихся сполохов почти угасшего костра, то ли от странно колеблющегося вокруг поляны воздуха, с запахом прелой травы, росы, сухой лаванды и, почему-то, ванили. Что-то шевельнулось там, на грани видимого. Налетел шелестящий вихрь...

Алеан вдруг ясно, как на стереоэкране, увидел себя со стороны. Он, да- да, он склонился над тахеанкой и, оглядываясь на спящих товарищей, разрезал верёвки своим «Скаутом». Лезвие ножа как-то неестественно ярко блестело в тусклом свете угасающего костра. Губы тахеанки шевелились.

Вспышка... Боль...

Что-то противно-тёплое, стекающее по коже под рубаш-

кой...

Неясный гул голосов...

Мягко наваливается на плечи тяжесть. Темнота заботливо, как мать, укутывает сознание.

Губы тахеанки, что-то шепчущие.

И огромные раскосые глаза, с колеблющимися в них тенями травы.

И темнота.

2

Грянул выстрел. Все вскочили. Тахеанка, немислимо изогнувшись, одним движением освободилась от верёвок и нырнула в темноту. Алекс, Виктор и Берг кинулись было за ней... Хайджелл Фитт стоял в нескольких шагах от распростёртого на измятой траве тела Алеана, смотрел на свои трясущиеся руки и плакал. У ног Рыжего лежало ружьё.

В первый раз чужаки объявились, когда Шиан-Сами исполнилось пятнадцать лун. Придя в селение, они улыбались и дарили странные, но очень красивые вещи. Одна такая вещь была и у Шиан-Сами, Хо-Дзар дал. Вещь была круглая, прозрачная, цвета весенней травы, и если посмотреть сквозь неё – всё становится зелёным, даже песок и небо. А чужаков Шиан-Сами считала некрасивыми. Как оказалось, у них всюду, кроме головы, была почти безволосая кожа, и, наверное, поэтому они носили на себе столько нелепой одежды и странных вещей, от которых, как и от самих чужаков, веяло искусно скрытой угрозой.

Однако на следующее утро чужаков в селении не оказалось, но их озлобленность странным образом изменила Старшего. Он полдня ходил сам не свой и, похоже, чего-то боялся. Сэлис-Шор потом по секрету сказала, что чужаки просили двух родичей за свои подарки. Сэлис-Шор всегда узнавала всё первой, ведь она была дочерью Старшего. Прав-

да, Шиан-Сами думала, что подслушивать за мужчинами не очень прилично, но чего только не простишь своей подруге! Как бы там ни было, чужаки ушли, но вечером... Вечером у Белого Ключа нашли мёртвого Ши-Шуми с маленькой дырочкой в голове, а его жена и сын пропали. Их искали всю ночь и весь следующий день, а когда ушедшие на поиски мужчины вернулись ни с чем и сказали, что весь лес чем-то напуган, стало ясно, что так, как раньше, больше не будет никогда.

После случившегося Старший запретил праздновать наступившую Длинную Ночь, когда две луны – утренняя Зан и вечерняя Хо, встречаются на небе, чтобы родить новую весну. Старший боялся, что чужаки вернуться и заберут ещё кого-нибудь или убьют, как Ши-Шуми, когда молодые разбежались по лесу. В Длинную Ночь всё можно. А Сэлис-Шор потом говорила, что Ши-Шуми закопали в землю, а не сожгли, как положено, потому что из него навсегда ушла Тень. Это, наверное, очень страшно – никогда не родиться снова.

Все вещи, что подарили чужаки, Старший велел собрать и тоже закопать в землю, что бы они не указали своим хозяевам дорогу к новому селению. А старое пришлось бросить. Нельзя жить там, где умерла Тень. Только Шиан-Сами не смогла отдать Зеленый глаз. Ей не хотелось, чтобы подарок Хо-Дзара лежал в земле. Но не показывать же чужакам дорогу к новому дому?! Поэтому перед тем, как родичи покинули селение, Шиан-Сами спрятала Зелёный глаз в дупле

огромного дерева, что росло над прудом. Это было недалеко, и она, бросив последний взгляд на свой укромный уголок, пообещала, что обязательно придет сюда снова.

Шиан-Сами не могла сказать, что ей не нравилось место, в котором расположилось новое селение. Здесь тоже было красиво: прозрачная речка, поляны с высокой травой и каскадом солнечных лучей в полдень – она просто скучала по старым местам. Особенно по пруду, по раскинувшемуся над ним дуплистому дереву с такой широкой и густой кроной, что вода под ветвями казалась маслянисто-зелёной. А ещё, когда наступали сумерки, там было так легко слушать перешептывания Теней леса. Иногда даже говорить с ними. Особенно Шиан-Сами нравилось говорить с травой, а здесь, у пруда, казалось, собрались все травы, что росли в лесу: тропник и метлица, оскорь и саммх, листень, земляной пух, ветреница... Да мало ли ещё? Всё и не пересчитать. Трава отзывалась всякий раз, стоило Шиан-Сами шепнуть несколько слов, а вот деревья в лесу – нет. Лес – это для взрослых. Зачем ему болтать с ветреной девчонкой, чья Тень от рождения сплетена с Тенями травы? Поэтому её и звали Шиан-Сами – Тень Травы.

Прошло уже две луны с тех пор, как чужаки своим появлением рассекли жизнь на «до» и «после». Детство Шиан-Сами как-то неожиданно кончилось. Ей так и не удалось улучшить момента, чтобы сбежать на пруд. А теперь ещё приходилось делать много всякой работы, помогая маме и старшей

сестре ухаживать за четырьмя младшими братьями: кормить их, играть с ними.

О том, что вновь пришли чужаки, предупредил лес. Почему-то, чего никак не могла понять Шиан-Сами, всё живое в лесу боялось чужаков. И если в первый раз Старший пренебрёг этим, то теперь он не собирался повторять свою ошибку. Именно поэтому несколько взрослых уходили с ним, чтобы поставить вокруг селения петли. Это когда кажется, что идёшь прямо, а на самом деле делаешь круг. Шиан-Сами тоже так могла, как и любой в селении, но защитное кольцо – это не в ловитки в лесу играть в Длинную Ночь. Вот и ходили те, кто лучше других говорил с Тенями земли.

Чужаки не нашли дороги к селению, хотя долго кружили рядом. Они вдоль и поперёк излазили брошенный посёлок, но поиски не оставили, то и дело появляясь в неожиданных местах. А может, это были другие? Шиан-Сами не различала чужаков, их странные Тени были слишком похожи. Как бы там ни было, уходить далеко от селения без старших было нельзя, а уж в одиночку – и думать забудь.

Но Шиан-Сами пошла. Вины за это она не чувствовала: многие из её сверстников вот так же, тайком, пробирались в свои укромные уголки. Ну разве можно говорить о тайном, том самом, в селении или рядом, у всех на виду?! А Шиан-Сами нужно было поговорить с Хо-Дзаром. Ведь если его взгляды и подарки что-нибудь значат...

Только, если честно, Шиан-Сами было очень страшно ид-

ти к пруду, как условились, и, если бы не пушистые соцветия тропника, шепнувшие, что Хо-Дзар идёт следом, она не пренебрегла бы своими ощущениями.

Шиан-Сами сидела в траве на берегу пруда у самой воды и смотрела, как отражения травы, высокой и гибкой, сливаются с отражениями её лица. Всё, как у других: уши треугольничком, вздернутый носик, острый подбородок и огромные раскосые глаза. Только цвет у глаз редкий, прозрачно-серый. И мягкое облако вьющихся крупной волной пепельных волос. И блестящая шерстка дымчатого цвета...

Что это? Откуда этот страх?

...Тише, тише... Спрячься... Не дыши... Тише...

Дрожащий шёпот травы нёсся, казалось, отовсюду. Шиан-Сами съёжилась и подобрала под себя хвост. Но...

Хо-Дзар!

Шиан-Сами теперь отчетливо слышала, как он шёл, а он знал, что она слышит, но всё равно двигался так, словно хотел застать её врасплох. А она сидела не шевелясь, глядя в глаза своего отражения, и видела в них мечущиеся в панике Тени леса.

Волна страх катилась откуда-то с противоположного берега пруда. Её источник становился всё ближе с каждым ударом сердца под маленькой упругой грудью. А Хо-Дзар шёл так, словно ничего не видел и не слышал вокруг. Он был слишком поглощён мыслями о предстоящей встрече, что бы что-то замечать. И, злясь на беспечность Хо-Дзара, Ши-

ан-Сами подумала, что имя – Отсвет Вечерней Луны – ему в самый раз.

Чужаки вышли на берег прямо напротив Шиан-Сами. Пятеро. Их странные, уродливые Тени исходили жестокостью и жадной убийства, как перезревший плод исходит соком, и сыпали ядовитыми каплями на всё, что было вокруг. Тот... юноша с тёмными глазами на изможденном лице... Его Тень была другой. Странной, но – другой: яркой, чистой, без притворства и жестокости, с болью и обидой. Может, поэтому Шиан-Сами сумела различить его лицо среди других чужаков, хотя он старался держаться позади?

И тут чужак, что вышел к берегу первым, выкрикнул что-то и ткнул пальцем в траву, где сидела Шиан-Сами. В то же мгновение другой вскинул и прижал к плечу странную вещь, от которой дохнуло такой злобой... Из зелёного сплетения листьев и ветвей, выгнувшись в прыжке, желто-коричневой молнией выскочил Хо-Дзар, но вместо мягких объятий Шиан-Сами, опоздавшей всего на миг, его встретила обжигающе ледяная злоба из странной трубки чужака.

И всё вокруг смешалось и слилось в гудящий кокон.

Хо-Дзар лежал рядом, прижав к груди руки, из-под которых замедляющимися толчками вытекал Сок Жизни. Кончик его хвоста всё ещё чуть вздрагивал в такт ударам слабеющего сердца, а из открытых в небо глаз цвета сухой травы навсегда уходила Тень. Чудовища уже были рядом, кокон пропустил их и исчез. Грубые руки чужаков вязали Ши-

ан-Сами верёвками, а она не отрывала взгляда от пустеющих глаз Хо-Дзара.

...Не смотри в глаза Уходящему, не то его Тень выпьет твой разум, и ты не будешь уже только собой. Но ведь это очень страшно – никогда не родиться снова, а пока жива Тень...

3

Берг вышел к пруду первым, постоял, взглядываясь в стену туземной осоки на противоположном берегу, и вдруг крикнул:

– Обезьяна!

Шедший за ним Алекс Доу мгновенно вскинул ружьё, но пуля, предназначенная серой обезьяне, досталась другой, жёлтой, вдруг выскочившей из леса. *Метко стреляет, мерзавец.*

Хайджелл Фитт оглянулся на подошедшего Алеана, словно боясь, что тот мог подслушать его мысли. *Хлюпик. На кой чёрт Берг потащил с собой мальчишку?! Правда, в этом было одно приятное обстоятельство: теперь Алеан был на побегушках, а не он. Он-то свой хворост относил. Фитт снова обернулся – смотрит. Вот уставился, так и буравит глазами, болван сочувствующий. Я, что ли, стрелял?*

Когда стало ясно, что жёлтой обезьяне конец, Берг смачно выругался – за трупы никто платить не станет. А вот другая обезьяна, похоже, просто ошалела от страха. Стоит, как столб, и тарашит кошачьи глаза на мертвого сородича. Так и просится, чтоб связали.

– Эй, Рыжий, – Алекс, тот ещё фрукт, – Что застыл? Давайте, упакуйте с Алеаном эту леди.

И заржал. *Такие, как он, не умеют смеяться, только*

ржуют.

Верёвка была у Алеана. *Надо же, подойти догадался!* Хайджелл принялся методично скручивать обезьяну. Неловкие движения Алеана только мешали, но Фитт не стал его отгонять, получая удовольствие от того, что парня и так внутренне передёргивало от презрения к самому себе за участие в «экспедиции». *Тож же мне, защитник бедных и обездоленных тахеанских мартышек...* Взгляд Алеана скользнул куда-то в сторону, и парень стал бледнее, чем был, бросил верёвку, а спустя минуту из-за ближайших кустов раздались характерные звуки. *Господи! Он ещё и крови не выносит! Умора.*

Смеясь вместе с остальными, Хайджелл затянул последний узел и проверил на прочность все остальные, подёргав за верёвки. Тахеанка едва не упала, но так и не оторвала глаз от лежащего на земле жёлто-коричневого тела. Только шептала что-то на своём.

Шипит, что гадюка. Никак дружок был, а? Что это вы тут вдвоём делать собирались? А грудки ничего, если побрить... Фитт обернулся, почувствовав между лопаток чей-то взгляд. *Опять смотрит, бледная немочь. Ещё пара таких взглядов, и я начну его ненавидеть.*

– Держи, – Фитт бросил Алеану конец верёвки, – поведёшь.

Поднял свой рюкзак и ружьё и подошёл к остальным. Бережной что-то жевал, сидя на траве, нисколько не смущён-

ный близостью трупа, а Берг и Алекс спорили, что с этим трупом делать: закопать, бросить в пруд или просто бросить.

– А вы его выпотрошите и чучело сделайте, Бергу в офис, – выдал Бережной и снова принялся есть.

Хладнокровный гад. Такой будет человека на куски резать, жевать что-нибудь, да ещё шуточки садистские отмачивать. Считает всех вокруг трусами. Это ненормальные ничего не боятся. Впрочем, только псих мог ввязаться в подобную авантюру. Чует моё сердце – добром это не кончится.

– Рыжий, как думаешь? – подал голос Доу.

– Ну её к чёрту, эту обезьяну, пусть себе лежит.

– Нет, – возразил Берг, – ещё туземцы найдут. Или институтские крысы с базы. Нам ни к чему лишний шум.

Тело туземца бросили-таки в воду.

Лагерь разбили на месте прежней стоянки, в полудне пути от пруда. Наконец-то можно вытянуть ноги и глотнуть джина. *Красота!* Даже плоские шутки Бережного перестали раздражать.

– ...Знаете, что получится, если скрестить помойную кошку и макаку из зоопарка?.. Тахеанская обезьяна!..

Потом Хайджелл, кажется, задремал, потому что, открыв глаза, увидел, как Алеан топчется возле обезьяны с флягой в руке. У парня было такое выражение, что губы Фитта разъехались в стороны сами собой. Внезапно все замолчали. Эта остроухая дрянь, умудрившись освободить свой хвост, вы-

рвала флягу из рук задохлика и присосалась к горлышку!

Рядом грохнуло так, что у Фитта заложило уши... Не надо было быть чересчур сообразительным, чтобы догадаться, что пуля вышибла флягу. Алекс, уже изрядно осоловевший от джина, зверем метнулся к туземке и добавил к своему выстрелу звонкую оплеуху. Обезьяна завалилась на бок и осталась лежать.

Берг отозвался в адрес тахеанки выдающейся фразой, сплошь состоящей из эпитетов, во всех мыслимых и немыслимых подробностях описывающих интимные отношения туземцев. Что-что, а ругался он виртуозно. Впрочем, с ещё большим мастерством он умел делать деньги. У него было фантастическое чутьё на деньги и, если бы не кругленькая сумма, предлагаемая за живого тахеанца в нескольких приграничных мирах, Берг ни за что бы не оставил свои дела на три недели.

Под звуки голосов Берга и Бережного Хайджелла окончательно сморил сон.

Проснулся он рывком, как кто в спину толкнул, и открывшимся глазам предстала дикая картина: Алеан, склонившись над обезьяной, быстро режет верёвки. А тишина стоит такая, что... *Да он же её сейчас...*

...Как болит шея! Господи! Берг едва не придушил меня. Лучше бы придушил. Лучше умереть, чем... Я же... Я... Господи!

Хайджелл лежал на своём спальном мешке, свернувшись

калачиком. Спрятанные между колен ладони жгло огнём там, где их коснулась кровь Алеана. Было очень страшно. Не от того, что ненавидящий взгляд Берга преследовал везде – никуда не спрячешься – а от того, что скоро придёт ночь, а вместе с ней – кошмары. *Значит, лучше не спать.*

Кто-то разговаривает. Похоже, Виктор и Алекс.

– ...Совсем крыша поехала. Стонет во сне, шипит, как обезьяны местные, говорит что-то.

– Ал, ставлю что угодно, он стрелял в обезьяну и... Сам знаешь, какой из него стрелок.

– Глупо умирать вот так, в глуши.

– Да мы все тут подохнем, понимаешь? Уже вторые сутки ходим кругами в компании трупа, психа и неудавшегося убийцы.

– Иди к чёрту, я не стану вместо тебя дежурить! А если боишься штаны намочить, так будни Алеана для компании, – сказал Виктор и завозился, укладываясь спать.

Алекс выругался, швырнул в костёр сучьев, подняв рой горящего пепла. Огонь взревел и ринулся ввысь, стремясь догнать разлетевшиеся искры, но не смог; чтобы подняться выше, нужна была ещё пища. Рука Доу потянулась было к куче хвороста и опустилась: до рассвета было далеко, а дров – мало. Однако не прошло и двух часов, как, несмотря на страхи, Алекс уснул, свесив голову на грудь.

Всё это время Хайджелл ждал. Ему нужно было... Он был просто обязан проверить, что виденное им прошлой но-

чью не сон. Ему привиделось, что вместо Алеана в спальном мешке лежит тело тахеанца, убитого два дня назад. Почти бесшумно Фитт преодолел несколько метров ползком и замер. Рядом с телом брата, беспокойно вздрагивая, спал Берг. Главное – не разбудить его. Хайджеллу достаточно было увидеть хотя бы часть лица, но замок спального мешка никак не хотел поддаваться. *Чёрт...* Руки предательски дрожали. Ему никогда не было ТАК страшно. Фитт зажмурился и глубоко вздохнул – помогло. Страх отступил. Было тихо.

Неестественно тихо.

На границе освещённой костром площадки что-то шевельнулось.

Тень.

Тень Травы.

Не смотри в глаза Уходящему, его Тень...

Это, наверное, очень страшно – никогда не родиться снова...

Хайджелл, дрожа всем телом, отполз от мёртвого и прижался к земле. Глаза, упрямо не желающие закрываться, смотрели в сторону неясного движения. На границе света и тени появилась тахеанка. Мягко, по-кошачьи, она подошла к спальному мешку, присела на корточки, легко расстегнула молнию и, склонившись над белым, как мел, лицом, что-то зашептала.

И тут чья-то ловкая рука пырнула ножом в пузырь тишины, накрывший лагерь, и в образовавшуюся дыру хлынули

звуки: бешеный стрёкот насекомых, хлёсткие, как выстрелы, крики ночных птиц, тревожный шум деревьев... И никто, никто, кроме него, не слышал всего этого. Трава под Хайджеллом зашевелилась, пытаясь освободиться. Налетевший ветер разметал языки огня, рождая причудливые тени... Веки Алеана вздрогнули.

...Приветствую тебя...

Фитт сжал голову руками, словно это могло выдавить из неё чужой голос.

...Дитя Леса, Отражение Вечерней Луны...

Тени, попирая все законы физики, метнули длинные пальцы к странно немёртвому телу, которое, втягивая призрачные ленты, стало неуловимо меняться: лицо стало шире, заострились уши и подбородок, волосы посветлели, кожа странно зазолотилась, словно присыпанная светящейся пудрой... Алеан сел.

Нет, не Алеан.

Тахеанка, призывно зашептав, вскочила и побежала к лесу. Ловко освободившись от одежды тот, что прежде был Алеаном, сделал несколько шагов вслед за своей подругой, обернулся – золотыми искрами блеснули огромные кошачьи глаза – шепнул что-то и нырнул в темноту.

Шатаясь, Хайджелл поднялся и вышел из своего укрытия. Руки больше не жгло, но в затылке занозой сидел ледяной шип, путая мысли. Фитт провел ладонью по липкому от пота лбу и замер – глаза Берга были открыты и смотрели прямо

на него.

Днём спустя отряд вышел к исследовательской базе. Всю дорогу о случившемся не было сказано ни слова, и Бережному с Доу пришлось изрядно поломать голову над тем, почему Берг оставил идею убить Рыжего Фитта и с особым зверством расколотил о первое попавшееся дерево своё ружьё.